

А.Г.Осипов

Механизмы институционализации этничности

В общем плане термин «этническое» и его производные (в том числе «этничность») обозначают социальные категоризации, основанные на признаках языка, культуры, страны происхождения и т.п. В эту общую рамку укладывается множество различных, нередко взаимоисключающих подходов. Этничность может пониматься как совокупность существенных отличий между группами по биологическим или культурным параметрам, или как субъективная идентификация, при которой те или иные признаки выступают лишь как маркеры принадлежности, или как и то, и другое, вместе взятое. «Этническое» выступает как категория анализа, используемая рядом социальных и гуманитарных дисциплин, и как категория практики, находящая применение в политике и праве. Пожалуй, единой чертой, связывающей практически все толкования этничности, является ее групповое измерение: этничность рассматривается как атрибут определенного сообщества людей, и уже в силу этого – как черта отдельно взятого индивида.

Многое, так или иначе связанное с этничностью, затрагивает отношения власти; политические решения и коллективные притязания нередко обосновываются в этнических терминах. Этническое или расовое деление в самых разных обществах становится поводом для конфликтов или как минимум публичных дебатов в связи с такими вопросами, как источник, природа и характер государственности, участие населения в осуществлении политической власти и его доступ к ресурсам, особенности государственного управления, в частности, в области образования и культуры, административно-территориальное деление и местное самоуправление, правовое и фактическое равенство жителей страны.

Связь этничности и политики в числе прочего отражает то обстоятельство, что тематика этнического тесно переплетена с тематикой национального. Ни в теории, ни на практике нет единого толкования понятия «нация» и его производных, в частности, национализма. Большинство подходов основано на том, что нация понимается в качестве базовой *политии* – сообщества, образующего или стремящегося образовать государство. Можно принять здесь по умолчанию, что «национальное» и «этническое» есть пересекающиеся множества с условными границами. При этом первое связано с государственностью и социальными отношениями по поводу политической власти в государстве, а второе – категоризациями, основанными на признаках культуры, языка, воображаемой общности происхождения и т.п.

На все этнические исследования, да и вообще на публичные дебаты, так или иначе затрагивающие этнические и национальные темы, оказывает колоссальное влияние интеллектуальная традиция, которую Андреас Виммер назвал «методологическим национализмом»¹. «Нация» мыслится как основа общественного устройства и мирового порядка: она является своего рода «контейнером», вмещающим в себя политическое сообщество, систему управления, культурный стандарт и механизмы гражданской солидарности; при этом она одновременно видится как носитель коллективной воли и **самоочевидный** субъект социальных отношений. Подобные принимаемые по умолчанию постулаты механически переносятся на иные сообщества и формируют структуру представлений об этничности.

В первом приближении современное понимание этничности, а также наций и национализма, определяется соперничеством двух парадигм в социальных науках – эссенциализма (или субстанциализма) и

---

¹ Wimmer A., Schiller N.G. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology // International Migration Review. 2003. Fall. Vol. 37. Issue 3. P. 576-611.

конструктивизма. Эссенциализм основывается на отношении к этничности как сущностному и объективно данному свойству групп и индивидов; при этом природа этой сущности может определяться по-разному – как биологическая, культурная или социально-историческая. Конструктивизм понимает этничность, как и любую социальную реальность, в качестве интерсубъективной, т.е. конструируемой людьми в процессе их социальных взаимодействий².

Среди тех, кто пишет о политической роли этничности, на деле доминирует взгляд на социальную реальность, которую Роджерс Брубейкер назвал «группизмом»: этнические группы по умолчанию рассматриваются как целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия и отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей³. Имеет значение не столько распространенность тех или иных теоретических воззрений, сколько сам по себе группистский дискурс, который реально и определяет структуру знания и говорения об этничности.

В результате в общественных дискуссиях этническая группа описывается как самоочевидный социальный субъект или в лучшем случае структурная основа коллективного действия. Внешние интеракции воспринимаются как бинарная оппозиция – группа против внешнего мира (других таких же групп или государства), а внутреннее устройство группы – как совокупность физически реальных людей, объединенных идентичностью и логикой коллективного действия. В результате в фокусе рассмотрения оказываются вопросы о социальных границах группы, критериях членства в ней, механизмах мобилизации и внутренней организации. При этом оказывается неоправданно суженным поле зрения.

---

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Московский философский фонд, Academia-центр, издательство «Медиум», 1995.

³ Brubaker R. Ethnicity without groups // Archive Europeenne de Sociologie. Vol. XLIII. 2002. No. 2. P.164.

Из него, по сути, выпадает значительная, если не большая часть проблематики, связанной с институционализацией группы.

Перспективным представляется неоинституционалистский подход, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство действия для группы, сколько создают саму группу с ее идентичностью, интересами и прочими атрибутами⁴. Группу целесообразно рассматривать не как совокупность людей, а как структуру отношений, объединяемых идеей разделения общества на группы и представлениями о смыслах этого деления.

Значение этничности как политического фактора определяется тем, как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов (общественными движениями, государственными структурами, экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия.

Ниже приводится краткий обзор некоторых основных механизмов институционализации этничности; при этом под «механизмом» здесь понимается определенная совокупность практик, в том числе дискурсивных, объединяемых их направленностью и областью проявления.

1. Признание и категоризация.

Выделить какую-либо часть населения в качестве этнической группы и публично признать ее в таком качестве можно разными путями. В процессе категоризации участвуют разные действующие лица: государственные органы, этнические активисты (или «этнические

---

⁴ Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.30-32.

предприниматели», как обозначил их Джозеф Ротшильд⁵), академическая наука. Ведущую роль играет государство, которая располагает средствами принуждения и может обеспечить реальные социальные последствия разделения на группы.

Механизмы выделения групп и их признания многообразны. Распространен так называемый «остенсивный», или списочный подход, когда власти прямо называют признанные категории. Иногда признание групп закрепляется в законодательстве, в актах исполнительной власти или международных договорах. Самым распространенным механизмом являются переписи населения и иные способы статистического учета. Своеобразным механизмом признания групп можно считать официальную регистрацию неправительственных организаций, выступающих от имени тех или иных этнических групп.

Признание может проявляться и в негативной форме. Отрицание реальности тех или иных категорий и борьба с несогласными пропагандистскими и административными средствами, означает косвенное признание значимости альтернативного проекта. Болгарские и греческие власти отрицают существование македонской нации македонского меньшинства на своей территории, власти Турции борются с попытками утвердить курдскую идентичность, отдельную от турецкой и пр.

Стоит отметить, что применяемая терминология весьма разнообразна, и «этническое» не является универсальным **обозначением**. Принимаемые классификации могут иметь в основе «расовый», «национальный», религиозный, лингвистический характер. При этом с содержательной точки зрения основания **деления на группы** также могут пониматься различно: религиозные, языковые и т.п. обозначения могут иметь этнические или основанные на происхождении, коннотации. В

---

⁵ Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York, N.Y.: Columbia University Press, 1981.

Соединенных Штатах применяется «расовая» так называемая «пентагональная», состоящая из пяти основных компонентов, классификация населения⁶. В соседней Канаде принята гораздо более сложная схема, включающая в себя признание особого статуса «коренного» населения (с также сложной схемой внутренних подразделений), особой политики по отношению к носителям французского языка и к иммигрантам; при этом при проведении переписей населения выделяются и другие категории, в частности «визуальные» меньшинства⁷. В Центральной и Восточной Европе «национальность» понимается как этническое происхождение; в Испании «национальности» (*nacionalidad*), упоминаемые даже в Конституции - это территориальные сообщества⁸. Подобным же образом этничность – как принадлежность к территориальному сообществу – преимущественно понимается во Франции⁹.

С формальными механизмами категоризации могут сосуществовать неформальные, проявляющиеся в практиках работы правительственных органах. Социальные границы могут создаваться и поддерживаться не только официальной властью, но и устоявшимися неофициальными практиками и усилиями этнических предпринимателей. Официальные власти не признают или как минимум не артикулируют существование «племенных», этнических или расовых групп во многих странах Африки, Азии или Латинской Америки, но социальные барьеры между такого рода

---

⁶ Payson K.E Check one box. Reconsidering Directive No.15 and the classification of mixed race people // California Law Review. Vol.84. 1996, No.4. P.1233-1291.

⁷ Statistics Canada. Canada's National Statistical Agency. Ethnic Diversity and Immigration. http://cansim2.statcan.ca/cgi-win/cnsmcgi.pgm?Lang=E&SP_Action=Theme&SP_ID=30000.

⁸ Кожановский А. Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утёсы // Национализм в мировой истории. / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С.227-258.

⁹ Филиппова Е.И. Что такое Франция? Кто такие французы? // Национализм в мировой истории. / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С.172-226; Любарт М.К. Этническая культура в современном бретонском обществе // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М., 1999. С.201- 227.

категориями могут быть устойчивыми и поколениями воспроизводиться на практике¹⁰.

Существующие этнические категоризации, как правило, стали устоявшимися социальными формами, вошли в ткань повседневности, и потому воспринимаются как нечто естественное и единственно возможное¹¹. Между тем, исторический анализ показывает, что группы, воспринимаемые сейчас как устойчивые «этноты» или «нации», формировались относительно недавно, в период модернизации, под воздействием социальной инженерии государства или усилий «этнических предпринимателей». Например, многие «нации» и «национальности» бывшего СССР, как «азербайджанцы», «узбеки», «татары», «алтайцы», «адыгейцы» возникли относительно недавно, при правлении большевиков. Это не означает, что такие «нации» являются неустойчивыми или иллюзорными конструкциями – благодаря процессам нациестроительства в сфере администрации, образования, развития языка и культуры они стали вполне стабильными и состоятельными социальными формами и политическими единицами. Но при подобных процессах могли и могут сосуществовать и конкурировать различные проекты.

2. Социальное значение различий.

Систематизация групп структурирует властные решения и позволяет легитимировать те или иные притязания. Признание или непризнание группы (либо вообще принципов группового деления) не обязательно

---

¹⁰ Culture and Identity: Ethnic Coexistence in the Asian Context / Ed. by Kumar Rupesinghe. Washington, DC: Sasakawa Peace Foundation USA, 1999; Government Policies and Ethnic Relations in Asia and the Pacific / Ed. by M. Brown, S. Ganguly. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997; P.465–485; Deng F. Beyond Cultural Domination: Institutionalizing Equity in the African State // Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective / Ed. by M. Beissinger and C. Young. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. P.359–384.

¹¹ Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 11. М., 1995. С.167.

непосредственно влияют на возможность пользования правами или доступ к ресурсам, скорее, они ведут к утверждению или отрицанию определенных социальных и политических повесток.

Ключевым становится вопрос о конфигурации группового деления, о том, по каким статусным категориям можно разделить этнические общности. Оказывается, что в разных частях мира действуют сходные принципы систематизации, и на их основе открыто или имплицитно выстраиваются своеобразные иерархии (или мягче – таксономии) групп. Основными критериями деления выступают (1) самостоятельность группы или ее рассмотрение в качестве части другой группы (в Европе такие части обычно именуется меньшинствами); (2) автохтонность или историческая связь с территорией; (3) «зрелость» и «развитость» - возможность признания в качестве «нации», или «народа» - основы государственности или территориальной автономии.

Значение систематизации этнических групп в дозировании легитимности притязаний – в том, чтобы отделить допущенных к участию в политике и к контролю над территорией от всех прочих. Подразумевается, что «самостоятельные» этнические группы могут претендовать на большее, чем части других групп, а «автохтонные» группы могут идти дальше в своих притязаниях, чем «мигранты».

Так или иначе, во внутренней политике многих государств и в деятельности международных организаций выстраивается триада «аборигенные народы – меньшинства – иммигранты».

Иерархия утверждается разными способами. Иногда ее прямо прописывают в законодательстве, адресуя разные нормы разным категориям групп, иногда утверждают скрыто или фактически. Особую роль здесь играет понятие «культуры»: оно позволяет упростить, сделать узнаваемой и понятной и при необходимости ограничить сложную повестку. Подразумевается, что каждая группа несет своего рода «багаж»,

именуемый «культурой», которую необходимо развивать и сохранять. Если официальная власть выражает готовность обсуждать проблемы и групповые интересы только в терминах «культуры», то на деле это означает ограничение групповых притязаний сферой «культуры».

Интересна скрытая семантика понятия «культурная автономия» (как правило, имеется в виду нетерриториальная, или в российской традиции – «национально-культурная» автономия). Принимая в жизнь федеральный закон о национально-культурных автономиях (НКА) и содействуя их созданию, российская власть посылала четкие сигналы, что деятельность НКА не должна заходить в сферу политики. На первый взгляд, идея «национально-культурной автономии» не предполагает иерархии этнических групп. На деле нетерриториальная автономия в России и в Восточной Европе однозначно воспринимается как решение, предназначенное исключительно для «меньшинств», то есть «некоренного» населения¹², но не «основной нации», с одной стороны, и не иммигрантов или неграждан, с другой. Показательно, что с конца 1990-х годов российские власти резко негативно отзывались о появлении национально-культурных автономий, выступавших от имени «титულных» этнических групп в соответствующих субъектах федерации¹³. В это же время резкой критике подвергалась идея русских НКА в русских по составу населения регионах, и власти в 1999-2001 гг. под произвольным предлогом не допустили регистрации федеральной русской НКА¹⁴.

С 2003 г. НКА могут быть созданы только от имени «этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства», причем законодательство не определяет признаки такой «ситуации».

---

¹² Lapidoth R. *Autonomy: Flexible Solutions to Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1997. P. 37; Mihalikova S. *The Hungarian Minority in Slovakia: Conflict over Autonomy // Managing Diversity in Plural Societies / Ed. by M. Opalski*. Nepean, Ont.: Forum Eastern Europe, 1998. P.160.

¹³ Зорин В.Ю. *Дневник не для себя. Кн.2: Страсти Охотного ряда*. М.: Виоланта, 1999. С.428.

¹⁴ Осипов А.Г. *Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты*. СПб.: ЦНСИ, 2004. С.151-152; Кузнецов М. *Дискриминация // Независимая газета*. 2001. 8 февр.

Обоснование таких дополнений в закон звучало примерно следующим образом: «титульные» национальности и национальности, находящиеся в большинстве, могут для своего этнокультурного развития использовать «свою» государственность и «свои» органы власти; поэтому статус, связанный с НКА, предоставляется только меньшинствам, но не «государствообразующим» народам¹⁵.

Сходные смыслы несет в себе термин «мультикультурализм». Из всех возможных прочтений «мультикультурализма» возобладала версия, которую С.Бенхабиб назвала «мозаичным» мультикультурализмом: общество рассматривается как поле, где сосуществуют целостные «культуры», каждая из которых четко отделима от другой такой же целостности, при этом каждая культура является атрибутом определенной группы¹⁶. Корень *культура* в слове *мультикультурализм* также обычно интерпретируется как признание или поощрение различий и активности вне области политики. Общественная дискуссия и государственная политика выстраиваются таким образом, что меньшинства идеологически и организационно допускаются к обсуждению только тех проблем, которые можно интерпретировать в терминах этнокультурных запросов¹⁷. Также неявно выстраивается иерархия групп. В Европе среди экспертов и политиков установилась неписанная конвенция, по которой «мультикультурализм» относится только к иммигрантам, но не «традиционным» меньшинствам¹⁸.

---

¹⁵ Министр РФ В.Ю. Зорин при обсуждении в Государственной Думе на втором чтении поправок к Закону об НКА изложил доводы Правительства следующим образом: «Субъектами права на создание НКА становятся не все, а только те этнические группы, которые испытывают объективные трудности в решении своих национально-культурных задач, и этим определяется предмет или сфера действия данного закона» - Стенограмма пленарного заседания ГД от 27 июня 2001 г., информационная система Государственной думы РФ. <http://wbase.duma.gov.ru/steno/nph-sdb.exe>.

¹⁶ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С.9.

¹⁷ Vertovec S. Multiculturalism, culturalism and public incorporation // Ethnic and Racial Studies. Vol.19, 1996. No.1. P.50–56.

¹⁸ Inglis Ch. Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity. Paris: UNESCO, 1996. P.64.

Культурализация или этнизация социального имеет и обратную сторону. Самые разные требования, в том числе связанные с властью, самоуправлением, языковой политикой, равенством, правом на землю и доступом к иным ресурсам, весьма активно и успешно начинают обосновываться задачей защиты культуры или идентичности¹⁹.

3. Нация и национальная государственность.

Понимание «основной», или «государствообразующей» нации в качестве этнической категории не составляет проблемы в Восточной и Центральной Европе, в бывшем СССР и в ряде других стран. Но такой подход с трудом будет понят в Западной Европе (например, попытки решать, кто же является «настоящим» этническим французом, или «кастильцем» или герmanoшвейцарцем) – в местных обществах не оперируют подобными категориями, и «этническое», относящееся к меньшинствам, помещается в совершенно ином понятийном ряду, нежели «национальное». Так же вопрос об этническом происхождении иммигрантов в таких странах, как США, Канада или Австралия, не будет смешиваться с вопросом о национальной идентичности.

Однако, ситуация не столь однозначна, как это выглядит на первый взгляд. Суждения, связанные с «нацией» и «национальностью», нередко приобретают двусмысленность и многозначность. Позиция европейских организаций, в частности Европарламента и Парламентской Ассамблеи Совета Европы, находится под все возрастающим влиянием стран Центральной и Восточной Европы и исходящего оттуда этнического понимания нации. Затем следует назвать феномен сепаратистских и автономистских движений в разных частях мира, в том числе в Европе и

---

¹⁹ Barry B. Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001; Cultural Pluralism, Identity Politics, and the Law / Ed. by A. Sarat and T.R. Kearns. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1999.

Северной Америке. Эти движения так или иначе апеллируют к идее нации как этнического или культурного сообщества (подобно движениям в Каталонии, Фландрии или Квебеке), и многие из них (как, например, чеченское, косовское или квебекское), встречают вполне сочувственное отношение в мире. Сюда же стоит отнести широкие, в том числе академические дискуссии на темы «безгосударственных» и «внутригосударственных» наций, в которых слову «нация» также придается этнический или близкий к тому смысл²⁰. Следует упомянуть еще проекцию дебатов об иммиграции и мультикультурализме на восприятие проблем «основного» населения. Таковые тоже начинают интерпретироваться как вопросы защиты «идентичности», а массовое недовольство перекодируется в культурных терминах. Возникают такие феномены, как «культурный фундаментализм» (в Европе) и «нативизм» (в Северной Америке), якобы защищающий «основное население». Все это означает постепенное движение к признанию культурного или этнического понимания нации в качестве нормы.

Для радикальных (особенно внесистемных) националистов этническое понимание нации не создает трудностей. Но официальные власти или системные политики в стабильных государствах не могут игнорировать то, что идея этнической нации противопоставляет одну часть населения другой. Новые аспекты проблема приобретает в странах (в том числе России), где есть субъекты федерации или территориальные автономии с компактно проживающими этническими меньшинствами. Если определенная государственность или территориальная автономия «принадлежит» «титульной национальности», то следует ли из этого, что он не является «своим» для остальных живущих там граждан? Как тогда

---

²⁰ Multinational Democracies / edited by Alain-G. Gagnon, James Tully. New York : Cambridge University Press, 2001; Catt H., Murphy M. Sub-state Nationalism: A Comparative Analysis of Institutional Design. New York: Routledge, 2002; Tierney, Stephen J. A. Constitutional Law and National Pluralism. Oxford : Oxford University Press, 2004.

интерпретировать то, что они платят налоги, участвуют в выборах и пользуются всей полнотой прав человека и гражданина? Если государственность является для них также «своей», то зачем нужны заявления о ее этнической «принадлежности»?

Такие коллизии, как правило, решаются благодаря зазору между символической и инструментальной политикой, то есть между репрезентациями и деятельностью. Распространенным приемом является превращение некоторых вопросов в фигуру умолчания.

Общим местом для многих российских и зарубежных публикаций, да и для обыденного дискурса, стали суждения о том, что Россия как федерация строится по «национальному» и территориальному принципам. Имеется в виду, что 21 республика, одна автономная область и четыре автономных округа (до 2005 г. – 10) являются своего рода «владением» или формой организации их «титულных» групп, то есть, групп, давших им название. Между тем, юридический смысл такого рода суждений остается неясен. Федеральное законодательство содержит только двусмысленные; несколько федеральных законов содержат понятие «этнические общности, имеющие соответствующие республику или автономный округ, автономную область» или аналогичные формулировки. Подразумевается особая связь определенных этнических общностей с определенными территориальными образованиями, но никак не разъясняются правовая природа и содержание этой связи.

Региональные конституции и законы содержат компромиссные положения: обычно либо «титулные» группы не упоминаются вообще, либо одновременно говорится о «самоопределении» «титулной» нации и о том, что источником власти является все население, либо каким-то образом подчеркивается особая роль «титулной» группы без отсылок к политической власти. Например, согласно Преамбуле Конституции Республики Татарстан 1994 г., Конституция выражает «волю

многонационального народа Республики Татарстан *и татарского народа*», а согласно ч.1 ст.1, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Татарстан является ее *многонациональный* народ»²¹ [курсив мой. – А.О.].

Суждения об «этнократии» и «ущемлении прав нетитульного населения» в российских республиках часто встречаются в российских масс-медиа и даже в политических декларациях и научной литературе, но на деле не подкрепляются сколько-нибудь серьезными обоснованиями²². Социальные диспропорции, которые выражаются в структуре занятости и представленности разных этнических групп в сфере государственного управления, допускают разные интерпретации²³ и скорее могут быть объяснены спонтанными процессами стратификации²⁴. Наконец, в разных республиках складывается разная ситуация, далеко не везде можно говорить о статистических преимуществах «титულных» национальностей или об особом внимании к ним республиканского руководства.

«Этническая государственность», таким образом, не закреплена в правовых нормах и формальных политических институтах. Она представляется прежде всего элементом доминирующего политического дискурса, но не в качестве не четко артикулированной идеи, а скорее, признаваемого по умолчанию общего знания. Показательно, что в содержательно вопрос о смысле и содержании «этнической государственности» практически не обсуждается в экспертных сообществах, и «национально-государственное устройство» берется как данность.

---

²¹ Конституция Республики Татарстан.
http://www.tatar.ru/?DNSID=e3f7f926f448630c4906d630fe02c8e5&node_id=222.

²² Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003; Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.

²³ Тишков В. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России /под ред. Р.Хакимова. Казань: Институт истории АН Татарстана, Казанский институт федерализма, 2001. С.24-39.

²⁴ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / автор проекта и отв. ред. Л.М.Дробужева. М.: Academia, 2002. С.14-118.

Россия опять же не выглядит чем-то уникальным. В ряде стран есть или были автономные образования или составные части федерации, население которых отличалось от других территорий страны этническим составом или даже наличием компактно проживающего меньшинства. Практически во всех случаях (например, в ситуации с Аландскими островами в Финляндии, Гренландией в Дании, провинцией Больцано в Италии)²⁵ за единичными исключениями вроде автономной Гагаузии в Молдове²⁶ национальное законодательство также хранит молчание относительно связи между территорией и населяющей ее этнической группой, а также гарантирует равенство всех жителей. Однако, даже в академической литературе подобные автономии нередко комментируются как самоуправление определенных этнических меньшинств²⁷. Интересно также, что в некоторых теоретических и сравнительных исследованиях культурная автономия описывается как институциональное решение, однопорядковое и сопоставимое с территориальной²⁸.

«Этническая государственность», таким образом, фиктивна, если понимать ее буквально, но реальна в институциональном смысле: это есть устойчивая форма, определяющая публичные дискурсы и поведение людей.

4. Групповые права.

---

²⁵ См: Documents on Autonomy and Minority Rights. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1993. P.117-143, 213-218, 462-495.

²⁶ Law on Special Status of Gagauzia // Autonomy in Europe. A Reference Book of Laws of Autonomy in Force in Europe. /ed. by S.I.Magyarody. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 2001. P.46-52.

²⁷ Catt H., Murphy M. Sub-state Nationalism: A Comparative Analysis of Institutional Design. New York: Routledge, 2002. P.126-136; Kymlicka W. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe / Ed. by W. Kymlicka & M. Opalski. Oxford, New York: Oxford University Press, 2001. P. 29-31.

²⁸ Heintze H.-J. On the Legal Understanding of Autonomy // Autonomy: Applications and Implications / Ed. by M. Suksi. The Hague; Boston: Kluwer Law International, 1998. P. 7-32; Eide A. A Review and Analysis of Constructive Approaches to Group Accommodation and Minority Protection in Divided or Multicultural Societies. Dublin: Stationery Office, 1996; Balogh S. Autonomy and the New World Order: a Solution to the Nationality Problem. Toronto; Buffalo: Matthias Corvinus, 1999; Weller M. "Towards a General Comment on Self-Determination and Autonomy", Working Paper submitted to UN Working Group on Minorities, 11th Session, 25 May 2005 (E/CN.4/Sub.2/AC.5/2005/WP.5) P.5-7.

Представление об этнической группе как политическом сообществе наиболее наглядно отражается в идее групповых, или коллективных прав. Групповые права являются также механизмом институционализации групп как политических единиц, поскольку к этой идее апеллируют политики разного толка и экспертные сообщества, этот концепт присутствует в конституциях и законодательстве нескольких стран, а также в международных инструментах. Ряд статей Конституции РФ содержит такие формулировки, как «права национальных меньшинств», «права коренных малочисленных народов», «право народов на сохранение родного языка». Практически все российские законы, посвященные этнической тематике, начиная с Закона о реабилитации репрессированных народов 1991 г., опираются на концепт групповых прав. Некоторые международные конвенции и декларации содержат отсылки к *праву на самоопределение, праву на развитие, а также правам на пользование естественными ресурсами.*

За категорией «групповые права» стоят как минимум пять совершенно разных конструкций²⁹. Это: 1) индивидуальные права, реализуемые в коллективе, совместно с другими людьми (т.н. коллективное измерение индивидуальных прав); 2) общие права человека и гражданина применительно к членам определенной группы; 3) специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории (т.н. специальные права)³⁰; 4) правомочия коллективного субъекта права – организации; 5) права условной или статистической группы как таковой.

---

²⁹ Подробнее об этом см.: Осипов А.Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 80–100.

³⁰ Соколовский С.В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: МОНФ, 1997. С. 87–88; Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 256.

С интерпретацией и применением первых четырех толкований проблем почти не возникает, если не считать того, что они тавтологичны и не обозначают новых сущностей. Чаще всего находит применение и вызывает наибольший интерес пятая интерпретация, при которой под коллективными правами подразумеваются права условной или статистической группы (народа, этнической общности, национального меньшинства) как таковой. Обычно идея прав группы никак не обосновывается и опирается на мнимую самоочевидность.

Наиболее часто поминаемое «право» из ряда «коллективных» - это т.н. «право народов на самоопределение». С правовой точки зрения идея самоопределения представляет яркий пример т.н. фиктивной нормы, т.е. вербальной конструкции, составленной как общезначимое правило, на основе которого не могут возникнуть правовые отношения.

Идея самоопределения несет в себе немалый конфликтный потенциал: лозунг самоопределения может использоваться и используется для обоснования разнообразных требований, подрывающих единство и стабильность самых разных государств. В процессе деколонизации была предложена следующая формула: сецессия возможна, но только для колониальных территорий и только в административных границах этих территорий. Вопрос о том, как убедительно отделить правомерное самоопределение народов от неправомерного сепаратизма, все равно был и остается на повестке дня. Попытка дать ответ была предпринята в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2625 (XXV) от 24 октября 1970 г.).

Декларация косвенно указывает на то, что «право на самоопределение» применимо к колониальным ситуациям: «Территория колонии или другой самоуправляющейся территории имеет, согласно

Уставу, статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный, согласно Уставу, статус существует до тех пор, пока народ данной колонии или самоуправляющейся территории не осуществит своего права на самоопределение в соответствии с Уставом, и в особенности в соответствии с его целями и принципами». Однако, «ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и *вследствие этого* [курсив мой. – А.О.] имеющих правительства, представляющие без различий расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Эта комбинация получила оригинальную интерпретацию, которая породила концепцию «внутреннего самоопределения». Самоопределение имеет как бы два аспекта – «внешний» и «внутренний». «Внешнее» самоопределение означает установление по воле всего населения международно-правового статуса территории, а «внутреннее» – «решение народом всех вопросов своего развития». Безусловно, правом на «внешнее» самоопределение обладают народы, находящиеся в колониальной и иных других формах иностранной зависимости, а также в условиях иностранной оккупации. Дальше «внутреннее» самоопределение стало (исходя из оборота «*вследствие этого*») истолковываться многими авторами не просто как а) демократическое участие граждан в управлении и жизни общества, но и как б) обеспечение такого положения меньшинств,

расовых и этнических **групп**, которое давало бы им возможность свободного развития и участия как **группам** в управлении государством³¹.

Таким образом, территориальные сообщества и этнические группы внутри независимых государств имеют право не на «внешнее» самоопределение, а только на участие во «внутреннем». Однако в исключительных обстоятельствах – при невозможности осуществления «внутреннего» самоопределения (при массовых нарушениях прав человека, систематической дискриминации или даже угрозе геноцида) «внешнее» самоопределение может стать правомерным и для части независимого государства.

Таким образом, если до 1970 г. с международно-правовой точки зрения возможность истолкования понятия «народ» в этническом смысле была весьма спорной, то Декларация открыла путь именно к такой интерпретации. Кроме того, идея «внутреннего самоопределения» приглашает рассматривать любое общество как в принципе сегментированное, как сумму «свободно обустраивающихся» (возможно, под лозунгом «автономии») этнических коллективов и обосновывает такое видение ссылкой на международное право.

Экспертные сообщества и различные общественные движения не только пропагандируют «самоопределение народов», но и изобретают и популяризуют другие «права» этнических групп, в том числе «право на существование» и «право на автономию». Серьезной оппозиции эта деятельность не встречает, многие «права» освящаются международными декларациями и авторитетом науки, а потому становятся фактором внутригосударственной и международной политики.

---

³¹ См. Eide A. A Review and Analysis of Constructive Approaches to Group Accommodation. P. 44; Cassese A. Op. cit. P. 101—125; Thornberry P. The Democratic, or Internal Aspect of Self-Determination with Some Remarks on Federalism // Modern Law of Self-Determination / Ed. by Ch. Tomuschat. Dordrecht. Boston; L.: Martinus Nijhoff Publishers, 1993. P. 126–128.

5. Представительство.

Давно стало общим местом суждение Бурдые о том, что не социальная группа («класс») выдвигает представителей, а наоборот, группа создается для окружающего мира агентом, представляющим эту группу и определяющим ее параметры³². Даже обыденный здравый смысл подсказывает, что символическая общность или статистическое множество не могут как таковые выступать в качестве субъекта социального действия, и группу кто-то должен олицетворять.

Интерес к появлению и признанию представителя группы исходит не только изнутри самой группы. Если группа открыто или умолчанию рассматривается как субъект общественных отношений, то наличие представительства становится необходимым элементом миропорядка. В лицах или структурах, олицетворяющих группу и способных вступать от ее имени в те или иные отношения, оказываются заинтересованы многие – правительственные органы, международные организации, общественные активисты разных толков.

Чаще всего в качестве представителей этнической группы выступают общественные движения и прочие неправительственные структуры. Официальные структуры зачастую или выделяют одну организацию в качестве «полномочного» представителя или стимулируют объединение организаций одной группы, так, чтобы они могли сформировать общую позицию. Кроме базового идеологического постулата работает бюрократическая логика – с одной структурой иметь дело проще, чем с несколькими.

Российский федеральный закон о национально-культурной автономии 1996 г. по сути же, закон был составлен таким образом, что предполагалась

---

³² Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С.53-97.

именно организация, представляющая определенную этническую группу и обслуживающая предполагаемые потребности этой группы. Суждения о том, что НКА является формой «организации этноса» и «представителем» этого этноса много раз высказывали и официальные лица, и сами активисты этнических организаций. В большинстве регионов органы юстиции отказывали, хотя и незаконно, в государственной регистрации более чем одной НКА одной группы, создаваемой на местном или региональном уровне³³.

Дело об одном из таких отказов дошло до Конституционного Суда РФ³⁴. Конституционный суд вынес решение о том, что отказ в регистрации был правомерным, и что в пределах субъекта федерации может быть только одна национально-культурная автономия. Суд исходил из следующей перспективы: автономия – есть форма организации этнической группы, институт представительства «этносов» перед государством, и канал, через который государство направляет какие-то ресурсы на развитие этнических культуры и языков. Поэтому автономия может быть только одна на одной территории.

Многие страны в основу политики по отношению к меньшинствам кладут выстраивание взаимодействия государства, в первую очередь, консультации с «общинами». Политика по отношению к саами в Финляндии, Швеции и Норвегии в своей основе имеет общенациональный нетерриториальный орган самоуправления саами, представляющий их перед правительством³⁵. Венгерский закон «О правах национальных и этнических меньшинств» 1993 г. предусматривает одно самоуправление

---

³³ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. С.225-233.

³⁴ Постановление Конституционного суда РФ от 03.03.2004 № 5-п «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона "О национально-культурной автономии" в связи с жалобой граждан А.Х. Дитца и О.А. Шумахер» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. 15 марта. Ст.1033.

³⁵ Myntti K. The Sami Cultural Autonomies in the Nordic Countries // *Minority Governance in Europe* / Ed. by Kinga Gal. Budapest: LGI/ECMI Series on Ethnopolitics and Minority Issues, 2002. P.151-170.

для одного меньшинства³⁶. Правительства Нидерландов и в Швеции долгое время до конца 1990-х годов проводили интеграцию иммигрантов через официально признанные централизованные этнические организации - «общины»³⁷. Причем, в случае Нидерландов, власти имели дело только с наиболее консервативными и патриархальными по образу действия «общинными» лидерами – более либеральные, открытые и молодые по составу участники организации игнорировались из-за их недостаточной «аутентичности»³⁸.

Международные организации также стремятся в ситуациях конфликта наладить взаимодействие и в итоге переговоры с негосударственной структурой, способной представлять проблемную группу, что и было продемонстрировано, например, в ситуациях Западной Сахары, Косово или Палестины. Одно из следствий этнического толкования термина «народ» применительно к самоопределению – попытки представить группы, объединяемые общей этничностью или происхождением, в качестве субъектов международных отношений напрямую, без привязки к территории. Так, Генеральная Ассамблея ООН своей Резолюцией № 3236 от 22 ноября 1974 г. признала Организацию освобождения Палестины в качестве «представителя народа Палестины» и с тех пор регулярно подтверждала этот статус.

6. Мобилизация и конфликт.

Этническая группа, казалось бы, проявляет себя наиболее явно как политическое сообщество в ситуациях коллективной мобилизации.

---

³⁶ Закон «О правах национальных и этнических меньшинств» (LXXVII / 1993) // О проекте федерального закона «О защите прав национальных меньшинств»: Материалы парламентских слушаний, 20 июня 1995 г. М., 1996. С.136–157.

³⁷ Rex J. The Theory of Multicultural Societies // Governance in multicultural societies / ed. by John Rex. Burlington, Vt. : Ashgate, 2004. P.58; Бенхабиб С. Указ.соч. С. 92–95.

³⁸ Krebbers E. The Netherlands: From multiculturalism to forced integration // Mute. Vol.2. No.2. <http://www.metamute.org/en/the-netherlands-from-multiculturalism-to-forced-integration>.

Примеров коллективных действий членов одной этнической группы или действий во имя защиты интересов этнической группы много. Многие подобные случаи имеют место в рамках, описываемых, как этнический конфликт. Имеется обширная литература по истории национализма и этническим конфликтам, и нет нужды здесь ее пересказывать. Следует сделать лишь несколько замечаний.

Неоднократно справедливо отмечалось, что ни культурдетерминистские теории, ни теории материально интереса в целом оказываются не способными объяснить коллективную мобилизацию и конфликт³⁹. В лучшем случае отсылки к различиям культур или к экономическим потребностям приближают к пониманию генезиса и хода того или иного отдельно взятого конфликта. Можно лишь утверждать, что коллективное действие и конфликт есть процесс и продукт социального конструирования, и в этом процессе этничность задает определенную когнитивную рамку и придает действиям людей определенный субъективный смысл.

Коллективные действия приобретают социальное значение не сами по себе, а в тех субъективных интерпретациях, которые принимаются окружающими. В выработке этих интерпретаций участвуют разные лица: сами участники мобилизации, лидеры и идеологи, наблюдатели, включая прессу, академические эксперты, правительственные органы и пр. Мотивация самих участников событий и смысл, который они им приписывают, могут не совпадать с интерпретациями лидеров и внешних наблюдателей. Однако, большее значение будет иметь более социально приемлемое и признаваемое в большем масштабе объяснение, независимо от того, отражает ли оно представления самих участников в момент события.

---

³⁹ Малахов В. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет», 2005. С.241-247.

То, что внешне выглядит как единое действие монолитной группы, при более тщательном рассмотрении окажется множеством не связанных между собой поступков разных людей, который постфактум были рационализированы как проявление единой воли. Кроме того, нередко представления о единстве группы и успешной мобилизации отражают не активное вовлечение членов группы в события, а их невмешательство, истолковываемое как согласие.

Одним из наиболее крупных и громких «конфликтов» периода перестройки были так называемые Ферганские события. В июне 1989 в Ферганской области Узбекистана произошли массовые столкновения и погромы, во время которых нападениям подверглись месхетинские турки. Власти организованно вывезли месхетинцев из Ферганы, а затем в течение года почти все турецкое население Узбекистана бежало в другие тогда еще союзные республики. Почти все авторы, писавшие о Ферганских событиях, выделяют «стороны» конфликта: жертвы беспорядков идентифицируются по этническому признаку - как месхетинские турки, так же определенно обозначается и другая сторона – «узбеки»⁴⁰. В качестве причин событий обычно называют экономическую конкуренцию между узбеками и турками, подъем узбекского национализма, а также на этом фоне провокацию то ли спецслужб, то ли антиправительственного подполья⁴¹. Однако, детальный анализ обнаруживает, что, во-первых, турки составляли немногим более половины погибших, а наиболее масштабные и ожесточенные столкновения проходили в тех частях области, где турки не жили вообще. Во-вторых, отъезд турок из Узбекистана был связан с рядом

---

⁴⁰ Зиямов Ш. О межэтническом конфликте 1989 года в Узбекистане. // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 6 (12). С. 153-159; Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский Центр Карнеги, 1997. С.298-324; Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Советская Этнография. 1990. № 1. С.5-6.

⁴¹ Достаточно полный обзор основных версий приведен в: Khazanov A. After the USSR. Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. N.J. (Visc.): The University of Wisconsin Press, 1995. P.204-206.

факторов и не только ферганскими погромами. В-третьих, нет никаких признаков какой-либо «конкуренции» двух групп, а националистические идеи в Узбекистане имели меньшее влияние, чем во многих других республиках и почти не проявлялись во время событий. Наконец, не прослеживается никаких следов и признаков деятельности спецслужб или подполья⁴².

События, таким образом, можно объяснять без привлечения концепции этнического конфликта. В Фергане происходили массовые спонтанные беспорядки, вызванные стечением ряда простых обстоятельств. Беспорядки включали в себя и нападения на турок, но ими не ограничивались. Представление о массовости событий родилось не в последнюю очередь из-за того, что при всех столкновениях и погромах присутствовало большое число любопытствующих. После конфликта власти и пресса придумывали рационализации, и при этом родились версии экономической конкуренции и влияния национализма.

Можно ли рассматривать события в Чечне 1990-х годов как этнический конфликт или как борьбу чеченцев с российским государством или «русскими»? Чеченское общество неоднородно, и отнюдь не все как один человек стремилось к независимости. Только меньшинство чеченцев так или иначе поддерживало сепаратистов. В событиях участвовали разные действующие лица, включая пророссийские правительства Чечни; не было однородным и российское общество. С другой стороны, описанием и интерпретацией событий именно как противостоянием чеченцев и русских (или России) занимаются самые разные силы, подчас имеющие диаметрально противоположные интересы⁴³. Безусловно, такой позиции придерживаются сепаратисты, но так или иначе ее поддерживали многие пророссийские силы в Чечне, когда отдавали дань разговорам о

---

⁴² См. Осипов А.Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С.164-223.

⁴³ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

«многовековой борьбе Чечни и России». Многие российские и западные журналисты и правозащитники также описывают события как стремление чеченского народа к «самоопределению». Но такое же отношение к происходящему утверждают и российские военные, когда относятся к жителям Чечни как к враждебному населению, и правоохранительные органы, ограничивающие чеченцев в правах по всей России⁴⁴. Таким образом, в этом поле многие силы не только используют общую когнитивную рамку «этнического конфликта», но и делают все, чтобы такие интерпретации были частью повседневной жизни.

Самые разные события создают образ консолидации по этническому признаку и коллективного действия этнических групп. В любом случае пресса и массовая культура делают такие представления «нормальными» и социально приемлемыми.

***

Рассматривать этническую группу как своего рода коллективный индивид, в том числе как субъект политики – есть давняя и устойчивая традиция. Она бесплодна в том смысле, что она не может помочь в понимании реальных процессов человеческого поведения. Порок этой традиции – использование категорий практики в качестве категорий анализа и отсутствие рефлексии исследователя. Участники социальных интеракций, которые можно охарактеризовать как «этнические», определенным образом конструируют их и используют свой язык описания, исследователь, использующий категории, реифицирующие понятия группы, остается в рамках того же дискурса и того же конструирования первого порядка. Особенность такого подхода – его

---

⁴⁴ Ганнушкина С.А. О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. М.: ПЦ «Мемориал», 2002.

социальная приемлемость, и в этом одна из причин его распространенности и популярности.

Рассмотрение группы в качестве своего рода общественной организации, основанной на осознанном выборе людей и воздействующей в свою очередь на их поведение, открывает больше возможностей, но ограничивает поле зрения. Еще больше возможностей открывает отход от «овеществления» понятия группы и рассмотрение этничности и этнической группы не как (или не только как) коллективного субъекта, но как отношения - определенных способов описания, социальной репрезентации и приписывания смыслов. По давнему выражению Николая Ссорина-Чайкова, этничность выступает скорее как «способ высказывания, чем способ действия, способ привнесения значения во взаимодействие, чем тип взаимодействия»⁴⁵.

Дальше открывается богатая исследовательская перспектива, позволяющая оценить все возможные способы и формы привнесения этнических категоризаций и смыслов в политические процессы, в которых участвуют разные действующие лица. Группа становится не статичной категорией или «объективной реальностью», а «оператором, символом, проекцией»⁴⁶. Можно ли рассматривать этнические группы *на самом деле*, в материальном смысле, как субъекты общественных отношений? Независимо от ответа на этот вопрос самые разные акторы – правительства, международные организации, эксперты, общественные активисты – зачастую ведут себя так, как будто группы таковыми субъектами *на самом деле* являются.

---

⁴⁵ Ссорин-Чайков Н.В. Национальные отношения и образ «других» в культуре центральносибирских эвенков: опыт этнографического анализа // Этнические конфликты в СССР. Причины, особенности, проблемы изучения. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С.41.

⁴⁶ Малахов В. О пользе хрестоматий // Отечественные записки. 2003. № 2. <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/malah2.html>.